

МЕЖПОКОЛЕННЫЙ КОНФЛИКТ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ СЕМЬИ

Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект 18-013-01001 А

В статье представлены результаты серии исследований, цель которых заключалась в изучении социально-психологических закономерностей (причин и функций) межпоколенного конфликта в разных социальных контекстах (в семье и в обществе). Обсуждаются проблемные вопросы относительно причин неизбежности конфликта поколений; связи конфликта с психологическим благополучием/неблагополучием семьи; «созидающей» функцией межпоколенного конфликта. Приводятся результаты эмпирических исследований, выборку которых составили 371 человек, мужчины и женщины разных возрастных категорий, представители поколения «детей» и «отцов». Основными результатами являются описание системы положительных и отрицательных установок молодежи по отношению к старости как потенциального фактора конфликта поколений, а также противоречивости в понимании родителями и детьми-подростками актуальной ситуации их отношений и взаимодействия. Отмечено, что данная противоречивость является не только индикатором межпоколенного конфликта в семье, но и важным фактором его неизбежности, что связано с закономерными ошибками атрибуции, сопряженными с различиями жизненного опыта разных возрастных когорт. На основании анализа полученных результатов описываются идентификационная, адаптационная и селективная функции конфликта поколений в семье.

Ключевые слова: межпоколенные отношения, межпоколенный конфликт, психологическое благополучие личности и группы, положительные и отрицательные установки по отношению к старости, факторы неизбежности конфликта поколений, «созидающая» функция конфликта поколений, социальное восприятие, ошибки атрибуции

Информация об авторе: Сапоровская Мария Вячеславовна, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Костромского государственного университета, г. Кострома, Россия

E-mail: saporov35@mail.ru

Дата поступления статьи: 06.10.2020

Для цитирования: Сапоровская М.В. Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2020. Т. 26, № 4. С. 48-54. DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>

Mariya V. Saporovskaya
Kostroma State University

INTERGENERATIONAL CONFLICT AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF FAMILY

The reported study was funded by RFBR, project number 18-013-01001 А

The article presents the results of a series of studies, the purpose of which was to study the socio-psychological patterns (causes and functions) of intergenerational conflict in different social contexts (in the family and in society). Problematic issues are discussed regarding the reasons for the inevitability of a generational conflict; the relationship of the conflict with the psychological well-being/unhappiness of the family; the “creative” function of the conflict. The results of empirical studies are presented, the sample of which consisted of 371 people – representatives of the generations of “sons” and “fathers”. The main results are the description of the system of positive and negative attitudes of young people in relation to old age as a factor of conflict, as well as contradictions in the understanding by parents and adolescent children of the actual situation of their relations and interaction. It is noted that this inconsistency is not only an indicator of intergenerational conflict in the family, but also an important factor in its inevitability, which is associated with natural attribution errors associated with differences in the life experience of different generations. Based on the analysis of the results obtained, the identification, adaptation and selection functions of the generational conflict in the family are described.

Keywords: intergenerational relations, intergenerational conflict, psychological well-being of individual and group, positive and negative attitudes towards old age, factors of inevitability of generational conflict, “creative” function of generational conflict, social perception, attribution errors.

Information about the author: Mariya V. Saporovskaya, ORCID <https://orcid.org/0000-0002-0852-1949>, Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Kostroma State University, Kostroma, Russia

E-mail: saporov35@mail.ru

Article received: October 6, 2020

For citation: Saporovskaya M.V. Intergenerational conflict and psychological well-being of family. Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics, 2020, vol. 26, № 4, pp. 48-54 (In Russ.). DOI <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2020-26-4-48-54>

Обращение к семейным истории, семейным мифам, традициям, рост интереса к генеалогической вертикали, осмысление и принятие наследия предков как личностного ресурса – выраженная тенденция нового времени. Возможно, это связано с тем, что повседневность современного человека до сих пор остается историей совладания с трудностями, умения выживать, справляться с ситуацией, развиваясь при этом.

Семья и система близких отношений – важный социальный ресурс эффективности и психологического благополучия человека [Хазова: 241], и межпоколенные отношения в этой системе занимают особое место, обеспечивая реальную и воспринимаемую поддержку, имеющую в семье двойную направленность – в вертикали от предка к потомку и наоборот [Сапоровская 2012: 157].

Однако отличительной чертой этих отношений является конфликт «отцов» и «детей», который, как во все времена, и сегодня характеризуется остротой и напряженностью.

Столкновение, противостояние поколений, а особенно невероятная жизнеспособность конфликта поколений до сих пор является источником неиссякаемого интереса философии (Зеньковский, 1930; Степанов, 2000 и др.), социологии (Зиммель, 1994; Кон, 1973; Мид, 1988; Чуприна, 2004; Фойер, 1972 и др.), психологии (Мандель, 1969; Фрейд, 1917; Шутценбергер, 2001 и др.). Несмотря на многочисленные исследования факторов и последствий конфликта поколений, эта проблема по-прежнему не теряет своей актуальности, что, на наш взгляд, способствует ее иному осмыслению и постановке новых проблемных вопросов. Если исходить из того, что этот конфликт неизбежен и неразрешим в принципе, следует уйти от его рассмотрения только в контексте социально-психологической деструктивности и неблагополучия. Это задает иную оптику рассмотрения данного феномена через постановку ряда проблемных вопросов: какие закономерности обуславливают неизбежность межпоколенного конфликта в социальных структурах (в обществе и в семье)? как связан с психологическим благополучием/неблагополучием семьи конфликт поколений? может ли он выполнять созидательную функцию, способствуя укреплению благополучия семьи?

Среди причин неизбежности конфликта поколений следует выделить:

1. Несовпадение ценностей и смыслов у представителей разных поколений из-за ускорения темпов научно-технического прогресса и индустриального развития, следствием чего является переоценка опыта старших поколений, который утрачивает свою ценность и пользу [Мид: 132].

2. Потенциальным фактором конфликта поколений с позиции психологии больших групп (а поколения – это большие группы) является высокая

степень различий представлений о релевантных характеристиках Своего (поколение актуальной принадлежности) и Другого поколения. Высокая степень различий этих представлений объясняется тем, что они тесным образом связаны с семейной ролью – Ребенка, Родителя, Прародителя. А личный опыт отношений с представителями разных поколений в собственной семье проецируется на обобщенное восприятие и оценку поколений. Например, наши исследования показали, что молодые люди, которые имеют близкие, теплые отношения со своими прародителями, при описании образа старого человека наделяют его более положительными характеристиками, чем отрицательными [Крюкова].

Таким образом, следует говорить об объективных причинах неизбежности конфликта поколений, что обусловлено высокими темпами изменений контекста и образа жизни, а также ценностных ориентаций младших поколений в современном мире, при изменении значимости и роли опыта предыдущих поколений как источника получения информации; и субъективных причинах – выраженном несопадении, рассогласовании представлений участников межпоколенного конфликта друг о друге как представителей разных поколенческих групп.

Мы провели исследования, целью которых было изучение социально-психологических закономерностей (причин и функций) межпоколенного конфликта в разных социальных контекстах (в семье и в обществе).

Дизайн исследования. Исследование проведено в малых городах Костромского региона, который в рейтинге регионов Российской Федерации по уровню качества жизни занимает 62-е место из возможных 85 (при построении рейтинга учитывается уровень доходов населения, занятость населения и рынок труда, жилищные условия населения, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье населения и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры). Социально-экономический уровень развития региона определяет специфику образа жизни его населения, включая сильную связь и объективную зависимость разных поколений друг от друга в повседневной жизни.

Выборку исследования составили 371 человек разного возраста (от 14 до 52 лет), всего 219 женщин и 152 мужчины. В Исследовании 1 выборочную совокупность составили 122 девушки и 73 юноши, возраст от 19 до 21 года. Важным для исследования было то, что все респонденты являлись субъектами межпоколенных отношений, имеют, по их субъективным оценкам, эмоционально теплые отношения

со своими бабушками и дедушками (прародителями) В *Исследовании 2* выборку составили 36 отцов и 47 матерей, имеющих ребенка подросткового возраста, и их дети-подростки (83 чел., 50 девочек, 43 мальчика). Все респонденты являются членами кровнородственных семей.

Анализ теоретических источников по проблеме исследования позволил нам в качестве факторов межпоколенного конфликта рассматривать положительные и отрицательные аттитуды по отношению к старости у молодых людей (*Исследование 1*) и различия в представлениях родителей и детей-подростков особенностей их детско-родительских отношений и взаимодействия (*Исследование 2*). Качественный и количественный анализ полученных результатов позволил нам выделить и описать «созидающие», конструктивные функции конфликта поколений, связанные с психологическим благополучием человека и группы.

В методический комплекс исследования вошли:

1. Анкета для сбора социально-демографической информации.

2. Анализ продуктов деятельности – эссе «Когда я буду старым(ой) – каким(ой) я хочу и не хочу быть» (респондентам необходимо было представить себя в старости, выделить и описать те характеристики, которые в собственном образе были бы для них желательными и, наоборот, нежелательными).

3. Опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) В.В. Юстицкиса, Э.Г. Эйдемиллера (2001).

4. Опросник «Родителей оценивают дети» (модифицированный вариант опросника АСВ «Анализ семейных взаимоотношений»), И.А. Фурманов, А.А. Аладьин (1999).

5. Методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффер, Р. Белл (адаптация Т. В. Архиреевой, 2000).

Обработка статистических данных проводилась при помощи программы Statistics 15.0. Для всех статистических обобщений принимались значения $p < 0,05$. Для проверки гипотез использовались следующие критерии: контент-анализ для обработки данных эссе; критерий χ^2 Фишера (угловое преобразование Фишера); критерий Холмогорова – Смирнова для определения нормального распределения выборки; U-критерий Манна – Уитни, критерий корреляции Пирсона использовался для изучения связи между представлениями родителей и их детей-подростков об их детско-родительских отношениях.

Результаты и их обсуждение. Исследование 1, целью которого было изучение у молодежи положительных и отрицательных аттитудов по отношению к старости, показало, что образ старости довольно разнообразен и наполнен не только негативными описаниями, но и значительным количеством положительных характеристик. Это говорит о том, что

среди наших респондентов нет преобладания негативных аттитудов по отношению к старости, а следовательно, и явного возрастного эйджизма.

Контент-анализ эссе на тему «Когда я буду старым – каким я хочу и не хочу быть» позволил выделить более 270 положительных и 216 отрицательных аттитудов юношей и девушек по отношению к старости.

Категориями контент-анализа стали характеристики, проявляющиеся в различных сферах жизнедеятельности человека: характерологические особенности; качества личности, обнаруживающиеся в коммуникации; оценка качества физического здоровья и когнитивных способностей; отношение к жизни и своему будущему; внешний облик в старости; материальное и финансовое благополучие/неблагополучие (рис. 1).

Первую рейтинговую позицию по количеству описаний заняли характерологические особенности старого человека. Наши респонденты среди позитивных, желательных характеристик отмечали чаще: *рассудительность, разумность, взвешенность оценок, выдержку, спокойствие, дружелюбие, отзывчивость, восприимчивость, стремление заботиться о других, самостоятельность*. Среди негативных качеств (83 выбора) были выделены: *злаязычие, негибкость, гордыня, высокомерие, озлобленность и грубость, несдержанность, наглость и жадность*.

Вторую рейтинговую позицию заняли качества личности, проявляющиеся в коммуникации старого человека, среди которых больше обозначено положительных (74 выборов), чем отрицательных (45 выборов) характеристик. К позитивным были отнесены: *общительность и коммуникабельность, стремление понять молодых, оказать им посильную помощь, умение оказать когнитивную поддержку (дать правильный совет), умение давать и получать любовь от близких людей*. Среди негативных качеств были выделены: *склонность манипулировать другими людьми для привлечения внимания к себе, лживость, навязчивость, неудовлетворенность отношениями, желание быть в центре внимания, склонность к нарушению личных границ других людей*.

Третью рейтинговую позицию заняли характеристики физического здоровья и когнитивных способностей пожилых людей. Всего было указано 41 положительное описание: *физическая активность, самостоятельность в уходе за собой, хорошее самочувствие, ясный ум, цепкая память, способность к обучению, энергичность*. Среди отрицательных описаний 38 выборов: *болезненность и слабость, деменция, малоподвижность, медлительность, зависимость от других людей, плохое зрение и слух*. Отмечая негативные характеристики, молодые люди отмечали, что старые люди постоянно болеют и жалуются на свое здоровье, что

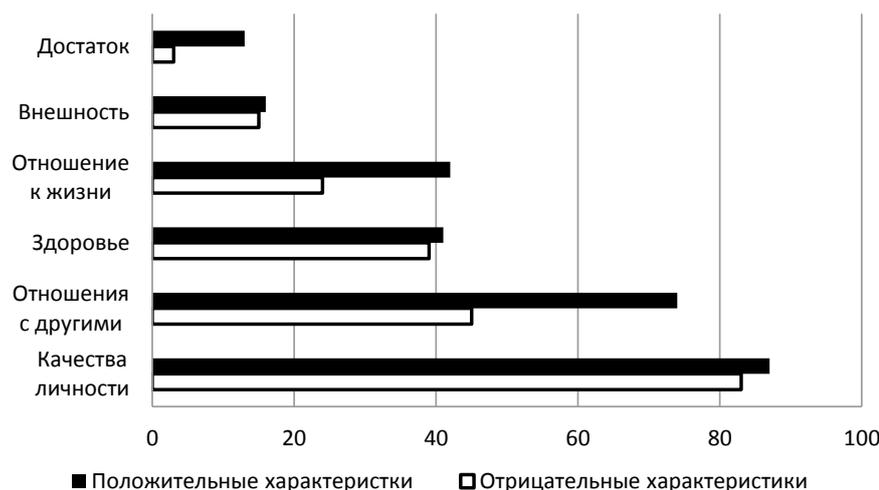

Рис. 1. Соотношение отрицательных и положительных характеристик старости в представлениях молодежи

вызывает недоумение, раздражение и злость близких. Практически никто не интерпретирует это поведение как следствие недостающего внимания и фрустрации потребности в общении и близости. Как правило, они интерпретируют это поведение стариков как эгоцентризм, желание усилить власть и контроль над другими людьми.

Четвертую рейтинговую позицию заняли характеристики отношения к жизни и своему будущему. Здесь было зафиксировано 42 положительных описания: *оптимизм и умение радоваться жизни, позитивный эмоциональный настрой, юмор и самоирония, вера в хорошее, открытость новому опыту, удовлетворение жизнью*. Среди негативных характеристик 25 описаний: *страх смерти, закрытость новому опыту, хандра, меланхолия, сниженный фон настроения, сожаление о прошлом*.

Следующую рейтинговую позицию занимают описание внешнего облика человека в старости. Мы получили 16 положительных и 15 отрицательных характеристик. В качестве положительных характеристик были отмечены: *привлекательный внешний вид, возрастная кожа, без большого количества морщин, чистое тело и хороший запах, опрятная и современная одежда*. Отрицательные характеристики – *неопрятность, грязная и поношенная одежда, дурной запах, множество морщин, бородавок, пигментных пятен, плохая фигура*.

Неожиданно, что описания материального и финансового благополучия занимает в системе аттитюдов последнюю рейтинговую позицию. Вероятно, молодые люди недооценивают значимость этой проблемы в старости, полагая, что это утрачивает актуальность. 13 выборов было в пользу того, что благоприятным для старости является *жизнь в достатке, получение материальной поддержки от детей и внуков, хорошие жилищные условия, социальная защищенность*. Только несколько опрошенных считают, что низкий уровень финан-

сового благополучия является актуальной проблемой старости.

Таким образом, мы видим, что у молодых людей существует система четких образов старости, представленная дихотомией каждой характеристики – в положительных и отрицательных значениях. При этом значимые различия между количеством позитивных и негативных характеристик (при $p = 0,001$) имеют следующие позиции: особенности взаимоотношений с окружающими; отношение к жизни; материальное благополучие (больше положительных). Мы не обнаружили, как ожидали, явного преобладания отрицательных аттитюдов старости в представлениях молодежи. С нашей точки зрения, это объясняется тем, что выборку составили респонденты, которые являлись членами расширенных семей и имели, по их субъективным оценкам, эмоционально теплые отношения со своими прародителями. Эта важная характеристика выборки позволила нам сделать заключение о том, что непосредственный положительный опыт взаимодействия с представителями старшего поколения является важным условием формирования позитивных аттитюдов по отношению к старости. Это является очень важным условием сохранения связи и преемственности поколений; теплых, близких отношений между предками и потомками, что связано с их психологическим благополучием. Кроме того, сформированность системы положительных аттитюдов по отношению к старости повышает адаптивные возможности человека при последующей смене поколенной группы.

Исследование 2. Конфликт поколений, как правило, наиболее остро обнажается в семье. Именно в семье этот конфликт особенно затрагивает чувства его участников и влияет на их развитие. Среди объективных и субъективных факторов этого конфликта особое место занимают причины, связанные:

**Соотношение представлений родителей и подростков
об их детско-родительских отношениях и взаимодействии, n = 166**

Родители n=83	Подростки n=83
– Нежелание родителей признать взросление ребенка (1); – сохранение детских форм взаимодействия с ним (1); – снижение уровня требований к подростку (1)	– Чрезмерно высокий уровень родительского внимания и контроля (2); – Отсутствие самостоятельности и автономности подростка (2); – Препятствие удовлетворению потребности во взрослости (2)
– Фобия утраты ребенка (1); – повышенная неуверенность родителей в своей компетентности; мелочная опека (1)	– Жесткий стиль воспитания, Неадекватно строгие наказания (2)
– Чрезмерная тревога матери за ребенка (3)	– Недоверие, отвержение, слабость и незрелость материнских чувств к подростку (2)
– Игнорирование взросления ребенка со стороны отца (1); – Отсутствие близкого контакта с отцом (1); – Умеренный уровень родительской протекции (1)	– Неустойчивость воспитательных воздействий, их колебание и противоречивость (2) – Устойчивая воспитательная позиция родителя, ориентированная на принятие и признание взросления ребенка, стимуляцию его самостоятельности и автономности (2)
– Минимальное количество обязанностей ребенка, его отстраненность от семейных дел (1)	– Стремление родителей сохранить с подростком чрезмерную, исключительную привязанность, что воспринимается как слабость, незрелость родительских чувств, неспособность родителей выполнять свои обязанности по отношению к нему (2)
– Отсутствие наказаний за невыполнение требований и нарушение запретов, ориентация на поощрение (1)	– Вседозволенность, возможность выполнять любые желания, нарушая при этом правила и запреты (2)

Примечание. Корреляционные связи (при $p < 0,05$) между шкалами методик: (1) «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) В.В. Юстицкиса, Э.Г. Эйдемиллера; (2) опросник «Родителей оценивают дети» – модификация опросника «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), И.А. Фурманов, А.А. Аладьин (1999); (3) методика «Измерение родительских установок и реакций» (PARI) Е. Шеффер, Р. Белл (адаптация Т.В. Архиреевой, 2000).

– с несовпадением, рассогласованием представлений участников конфликта друг о друге;

– со спецификой восприятия и понимания (каузальной атрибуцией) особенностей детско-родительских отношений и взаимодействия родителей с детьми [Саповская: 298].

Основная эмпирическая задача данного исследования заключалась в изучении связи представлений родителей и детей-подростков об особенностях их детско-родительских отношений и взаимодействия.

Среди важных результатов исследования следует отметить следующее (табл. 1):

1. Страх потери ребенка (шкала *Фобия утраты ребенка*), стремление «идти на поводу» у подростка, уступать ему даже в тех случаях, когда делать этого нельзя (шкала *Воспитательная неуверенность родителей*), чрезмерная опека при лишении подростка самостоятельности (шкала *Гиперопека*) воспринимается подростком как жесткий стиль воспитания (шкала *Жесткое обращение*) (при $p = 0,01$), для которого характерны неадекватно строгие наказания (шкала *Чрезмерность наказаний*) (при $p = 0,00$). Таким образом, родители считают, что беспокойство за жизнь и здоровье ребенка-подростка, создание ему комфортных условий «жизни без семейных обязанностей» – верная стратегия перестройки модели взаимодействия с взрослеющим ребенком. Они ожидают, что подросток оценит родительскую лояльность, но, не получив благодарности, стимулируют у него чув-

ство вины, устанавливают жесткие границы, что воспринимается подростком как жесткое обращение с ним.

2. Чем выше у родителей страх и нежелание взросления ребенка, стремление к сохранению детских форм взаимодействия с ним (шкала *Предпочтение в подростке детских качеств*); чем более выражено снижение уровня требований к ребенку и недостаток семейных обязанностей (шкала *Недостаток требований*), тем более подросток склонен воспринимать родительское воздействие как чрезмерно высокий уровень родительского внимания, контроля в сочетании со вседозволенностью (шкала *Потворствующая гиперпротекция*) (при $p = 0,01$); отрицание родителями его самостоятельности и автономности (шкала *Предпочтение в подростке детских качеств*) (при $p = 0,03$), неспособность родителей удовлетворить потребности подростка во взрослости (шкала *Игнорирование потребностей*) (при $p = 0,00$). Неприятие родителями очевидного и закономерного взросления ребенка, сохранение зависимости и стимуляция его инфантильности, а следовательно, использование детских моделей взаимодействия с подростком понимается им как отвержение и игнорирование его психологических потребностей. Таким образом, у родителей присутствует уверенность в том, что они в достаточной степени демонстрируют подростку любовь и преданность, а он, наоборот, переживает эту ситуацию как отвержение и непонимание со стороны родителей.

3. Чем выше тревога матери за подростка (шкала *Чрезмерная забота*), тем с большей вероятностью подросток воспринимает это как недоверие, отвержение (шкала *Эмоциональное отвержение*) (при $p = 0,00$), слабость и неразвитость материнских чувств (шкала *Неразвитость родительских чувств*) (при $p = 0,002$). Подросток от матери ожидает большего доверия к нему, принятия его взросления, перестройки моделей отношения. Забота матери, не соответствующая подростковому возрасту, понимается ребенком как отвержение и отсутствие материнской любви. Он реагирует на эти болезненные переживания соответствующим поведением, становится непереносимым и неуправляемым. Мать не желает иметь дело с подростком, плохо переносит его общество, что только укрепляет ребенка в справедливости своих суждений относительно материнских чувств.

Результаты данного исследования ярко демонстрируют, что существуют смысловые различия, а порой противоречивость в представлениях родителей и детей об их межличностных отношениях и взаимодействии. Это, с одной стороны, можно рассматривать как индикатор межпоколенного конфликта в семьях с детьми-подростками, на основании которого можно рассматривать перспективу развития отношений между поколениями в семье. Но, с другой стороны, восприятие поведения другого человека и ситуации межличностного взаимодействия всегда связано с каузальной атрибуцией – феноменом социального восприятия и неизбежными ошибками атрибуции [Келли: 131], что связано со значимыми различиями индивидуального опыта людей разных возрастных когорт и разного социального статуса.

Подростковый возраст, на наш взгляд, следует рассматривать как важный период для развития межпоколенного конфликта, определения его деструктивности/конструктивности, когда дистанция между поколениями, в том числе и во временной перспективе, может либо увеличиться из-за отсутствия взаимопонимания, приводя к нарастанию агрессивности, снижению толерантности и полному отчуждению поколений, либо, при перестройке моделей отношений и взаимодействия, возможно укрепление связи между поколениями, их ресурсности друг для друга и, в целом, благополучия семьи.

Выводы. Результаты данного исследования позволили нам выделить и описать «созидающие», конструктивные функции межпоколенного конфликта в семье, связанные с психологическим благополучием человека и группы, а именно:

1. *Идентификационная функция.* В межпоколенном конфликте раскрывается система представлений человека о себе как представителе своего поколения. Представления, являясь когнитивными, ценностно-смысловыми образования-

ми, играют важную роль в становлении личности и ее идентичности.

2. *Адаптационная функция.* В конфликте складываются представления о признаках *Другого* (старшего) поколения, которые являются основой формирования идентичности при смене поколенческой группы. Конфликт создает условия для социальной мобильности [Tajfel: 326] индивидуальных переходов из одной поколенной группы в другую.

3. Конфликт выполняет *селективную* и *ориентировочную* функцию. Представления о другом поколении (как участнике конфликта) сортируются на те, что вызывают острые негативные переживания, и те, что вызывают нейтральные или положительные чувства. Это создает важнейшие условия для построения собственной траектории жизни и проектирования социального пространства человека.

Список литературы

Келли Г. Процесс каузальной атрибуции // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г.М. Андреевой, Н.Н. Богомоловой, Л.А. Петровской. М.: МГУ, 1984. С. 127–137.

Крюкова Т.Л. Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2008. № 2 (2). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 25.10.2020).

Мид М. Культура и мир детства / М. Мид. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1988. 429 с.

Сапоровская М.В. Психология межпоколенных отношений в семье. М.: Национальный книжный центр, 2014. 430 с.

Сапоровская М.В. Межпоколенные отношения как социальный капитал: о социально-психологической поддержке в семье // Вестник Костромского государственного университета. Сер.: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. Т. 18. № 3. С. 55–59.

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Tajfel H. Social identity & intergroup relations. Cambridge, Paris, 1982, pp. 325–329.

References

Kelli G. *Process kauzal'noj atribucii* [The causal attribution process]. *Sovremennaya zarubezhnaya social'naya psihologiya, pod red. G.M. Andreevoj, N.N. Bogomolovoj, L.A. Petrovskoj* [Modern foreign social psychology], ed. by G.M. Andreeva, N.N. Bogomolova, L.A. Petrovskaya. Moscow, MGU Publ., 1984, pp. 127–137. (In Russ.)

Kryukova T.L. *Molodezh' o starshem pokolenii: psihologiya mezhpokolenno go konflikta* [Youth

about the older generation: the psychology of intergenerational conflict]. *Psichologicheskie issledovaniya: elektron. nauch. Zhurn* [Psychological research], 2008, № 2 (2). URL: <http://psystudy.ru> (access date: 25.10.2020). (In Russ.)

Mid M. *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood]. Moscow, Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izd-va "Nauka" Publ., 1988, 429 p. (In Russ.)

Saporovskaya M.V. *Psihologiya mezhpokolennyh odnoshenij v sem'e*. [Psychology of intergenerational relationships in the family]. Moscow, Nacional'nyj knizhnyj centr Publ., 2014. (In Russ.)

Saporovskaya M.V. *Mezhpokolennye odnosheniya kak social'nyj kapital: o social'no-psihologicheskoy podderzhke v sem'e* [Intergenerational relations as social capital: on social and psychological support in the family]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika* [Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 2012, vol. 18, № 3, pp. 55–59 (In Russ.).

Hazova S.A. *Mental'nye resursy sub"ekta: fenomenologiya i dinamika*. [Subject's mental resources: phenomenology and dynamics]. Kostroma, KGU im. N.A. Nekrasova Publ., 2013. (In Russ.).